

Ю. И. Левин

ИСТИНА В ДИСКУРСЕ¹

«... с седьмого класса он считал себя толстовцем. Но вот дали ему Лаврова с Михайловским — как будто правильно, очень верно! Плеханова дали — опять-таки верно... Кропоткин — тоже к сердцу, верно. А распахнул «Вехи» — и задрожал: все напротив читанному прежде, но — верно! пронзительно верно!»

А. Солженицын, «Август Четырнадцатого».

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа — попытка разрешить давно мучивший автора вопрос: едина (единственна) ли истина, или истин много; как возможно сосуществование (в частности, в одном сознании) двух или более несовместимых или противоречащих друг другу суждений? *Русский народ ленив* — наверное, истина; но не является ли истиной и то, что *русский народ трудолюбив*? Легче всего, конечно, следуя раннему Витгенштейну, объявить оба высказывания бессмысленными, — но тем самым мы лишимся возможности думать и говорить о наиболее насущном и интересном, ограничив себя кругом тривиальностей в духе учителя Беликова. Итак, по существу единственная идея, проводимая в этой работе, заключается в том, что закон противоречия имеет весьма ограниченную сферу действия в «человеческом дискурсе».

1. Договоримся сначала, что мы будем понимать под истиной. Носителем истины (или «не истины») будем считать, как правило, не предложение, а высказывание, отнесенное к определенному

---

¹ Предварительный вариант настоящей статьи был опубликован в журнале «Новый круг» (Киев), 1992, № 2.

контексту, точнее, пропозицию, передаваемую таким высказыванием. Высказывание описывает некоторое положение вещей; если это положение вещей имеет место в реальном мире, то высказывание истинно. Т.е. в качестве базовой возьмем идею истины как ответственности — корреспондентную теорию истины. Методологические слабости этой теории очевидны и многократно описаны, — но, подобно демократии, это, может быть, очень плохая идея, однако лучшей человечество не создало². При этом оговоримся, что жестко связывать себя ею мы не будем: так, в некоторых случаях более адекватной оказывается так называемая когерентная теория истины.

2. Как будет видно из дальнейшего, возможность сосуществования несовместимых истин — лишь частный случай господствующей в «человеческом дискурсе» истинностной неопределенности или сомнительности. И прежде чем пускаться в океан этой неопределенности, остановимся на истинностно-определенных высказываниях.

Опираясь на здравый смысл и общепринятые, по крайней мере, в науке, воззрения, можно выделить два класса высказываний, четкое истинностное значение (И-значение, ИЗ) которых не вызывает сомнения: 1) истины разума и 2) истины факта (если следовать Лейбницу); или, что приблизительно то же: 1) логические (или интуитивные) истины и 2) эмпирические истины; или еще, по Канту: 1) априорные синтетические суждения и 2) апостериорные синтетические суждения. Первые базируются на интеллектуальном опыте, или на самовосприятии субъекта, вторые — на чувственном опыте, или на восприятии объекта.

При этом необходимы некоторые оговорки и ограничения. К первому классу относятся простейшие высказывания («истины») логико-математического характера, а также выводимые из них посредством интуитивно же очевидных правил логического рассуждения. Ко второму классу относятся, прежде всего, элементарные (атомарные, протокольные) высказывания, основанные на непосредственном восприятии, но также и надстраиваемые над ними суждения (и даже теории невысокой степени абстракции), исполь-

---

²Я оставляю в стороне контексты типа «Я есть путь и истина и жизнь» (Ио. 14:6), в рамках этой работы нерелевантные.

зующие интуитивно ясные приемы логической обработки данных (*вода состоит из кислорода и водорода; Земля неподвижна; NN не мог совершить это убийство; металлы при нагревании расширяются; все люди смертны; Наполеон умер на о. Св.Елены, Ваня и Катя подали на развод*). Конечно, и сама перцепция, как известно, может обманывать («врет, как очевидец»); и чем больше рефлексии потрачено для получения данного суждения, т.е. чем больше его расстояние от непосредственно данного, тем менее несомненным оно становится³; но наличие четкого И-значения в подобных случаях сомнения не вызывает, и в худшем случае оно может измениться на обратное (Земля, как оказалось, вращается; алиби NN оказалось опровергнуто и т.д.).

Можно еще добавить, что бóльшая часть подобных истин восприняты нами на основе доверия к авторитету (данного человека, учебника, предания, вообще традиции), причем обычно мы руководствуемся «презумпцией истинности высказывания» — если нет оснований предполагать сознательную ложь или добросовестное заблуждение (впрочем, тогда уже нет речи об «авторитете»).

Таким образом, даже и в этой цитадели четкости и определенности («да — да, нет — нет; а что сверх этого, то от лукавого» — Мф. 5:37) не все так уж несомненно.

3. То обстоятельство, что четкое разграничение И/Л возможно лишь в достаточно узкой сфере, неоднократно отмечалось философами, логиками и лингвистами. Я ограничусь лишь несколькими случайными примерами.

П. Флоренский: «Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, и потому ни одна формула не может вместить в себя полноты жизни... Следовательно, рассудочные определения всегда и везде подвергаются и будут подвергаться возражениям...»; «...истина есть суждение самопротиворечивое» [1, с. 146].

О том же более прозаически пишет Й. Меллер: «Чистый факт, который сообщался бы в информации, есть абстракция. Ибо всякий

---

³«...слепая интуиция — синица в руках, ...разумная дискурсия — журавль в небе» [1, с.32].

факт находится в системе связей, которые не могут быть охвачены в одном сообщении» [2, с. 134].

Г. Риккерт: «...историческому изложению ...присущ характер, заставляющий сомневаться в том, следует ли к нему вообще применять предикат истинности» [3, с. 185].

А. Тарский: «Сама возможность последовательного употребления выражения «истинное предложение», которое не находилось бы в противоречии с законами логики и духом повседневного языка, кажется весьма проблематичной» [4, с. 110].

Согласно Дж. Остину, И/Л — лишь одно из измерений высказывания, он даже говорит о «фетише» И/Л, который его «так и подмывает подорвать изнутри» [5, с. 118]. В русле тех же идей Г. Грайс рассматривает истинность как лишь один из параметров высказывания, наряду с информативностью, релевантностью, ясностью [6, с. 222].

С. Клини, наряду с И/Л, рассматривает такие И-значения, как «не определено», «неизвестно», «несущественно» (т.е. не хотим знать или не играет роли), «нельзя установить алгоритмически» [7, с. 39].

В. Санников: «...если в логике высказывание может быть либо истинным, либо ложным, то в языке мы, скорее, имеем дело со шкалой, где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится много промежуточных» [8, с. 54].

Таким образом, «аристотелевско-булево» начало в мире, по-видимому, сильно преувеличено обыденным сознанием: огромная сфера того, с чем мы имеем дело не только в повседневной жизни, но и в культуре (философии, религии, науке, политике и т.п.), не укладывается в жесткие рамки разделения И/Л⁴.

На этом фоне неудивительно появление «Логико-философского трактата», автор которого хотел «поставить границу мышлению, или скорее... выражению мыслей... ...все, что лежит по ту сторону границы, будет просто бессмыслицей» и провозгласил, что «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чем не-

---

⁴Я бы даже рискнул сказать — из осторожности делаю это в сноске, — что основной порок всякой философии и религии — в их категоричном характере, если угодно — в их стремлении к Истине.

возможно говорить, о том следует молчать» [9, с. 29]⁵. Я считаю этот методологический ригоризм одним из самых вредных явлений во всей истории философии: самооскопление, даже во имя идейной чистоты, никогда не может быть плодотворным.

4. Последующее изложение можно обвинить в терминологической нечеткости, классификационной непоследовательности и т. д., а работу в целом — в отсутствии четкой методологической базы и вообще в крайней эклектичности. Все эти упреки справедливы, но выбранный способ изложения обусловлен не только ограниченными способностями автора, но и его взглядом на предмет работы: диффузность изложения соответствует, с моей точки зрения, диффузности предмета; введение, скажем, четкой системы дифференциальных признаков дало бы, возможно, более четкую классификацию, но она, скорее, фальсифицировала бы картину, по самой своей природе нечеткую.

§ 1. ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СОМНИТЕЛЬНЫМ ИСТИННОСТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Многие из рассматриваемых в этом разделе типов высказываний неоднократно изучались, в частности, с точки зрения их И-значения, но, кажется, этот материал никогда не сводился воедино и притом именно *sub specie veritatis*.

1. И-значение неизвестно

1.1. Высказывания о будущем

Именно в сфере будущего очевидным образом возможно и законно сосуществование высказываний, противоречащих друг другу и одинаково претендующих на истинность. Не очень существенно, будем ли мы считать, что они **имеют** И-значение, но оно сегодня нам неизвестно, или что они сегодня **не имеют** И-значения, но по-

---

⁵Справедливости ради надо сказать, что «самый поздний» Витгенштейн отказался от такого радикализма и даже согласился считать высказывания типа «Разумный человек в это верит» достаточно веским аргументом [10, с. 147].

лучат его завтра. Это, впрочем, относится к высказываниям с более или менее точно определенным сроком (*Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме*) — они и верифицируемы, и фальсифицируемы. Особняком стоят «когда-нибудь-высказывания» (*Когда-нибудь на земле установится гармонический общественный строй, при котором не будет несчастных людей*): они могут быть верифицированы, но не могут быть фальсифицированы.

1.2. Непроверяемые высказывания

Сюда мы относим лишь высказывания с четким объектом и предикатом (ср. п. 2.2). Тем самым они имеют определенное И-значение, которому, однако, суждено навсегда остаться неизвестным, поскольку речь идет о недостижимых для познания фактах или обстоятельствах⁶.

Здесь можно выделить:

а) высказывания о внутренних (ментальных) состояниях человека — их И или Л может быть известно лишь э т о м у человеку;

б) высказывания (догадки) о недокументированных исторических фактах⁷;

в) по крайней мере некоторые (нефальсифицируемые) теории, связанные с прошлыми состояниями мира (будь то big bang или происхождение языка);

г) условные высказывания о неосуществившейся (или невыбранной) альтернативе: *Если бы ты смазал царяпину йодом, у тебя не было бы нарыва; Если бы не политика Сталина по отношению к социал-демократам, Гитлер не пришел бы к власти*. В этой сфере иногда (в случае повторяемых или воспроизводимых собы-

---

⁶Тут надо быть осторожным: вспомним Дюбуа-Реймона с его *ignorabimus* относительно химического состава звезд — буквально накануне открытия спектрального анализа.

⁷П. Флоренский, ссылаясь на неизбежную заинтересованность историка в тех или иных ценностях, отвергал возможность «объективного» обсуждения даже таких проблем, как время написания диалогов Платона или поэм Гомера [1, с. 546].

тий) возможны И-определенные статистические суждения, но никогда — о конкретных событиях⁸.

Все эти сферы — неисчерпаемый источник фантазий и умственных спекуляций. Впрочем, если здесь и нельзя говорить об истинности/ложности, то можно — о степени правдоподобия или вероятности. Так, если и нельзя доказать, что «Государство» написано Платоном раньше «Законов», то можно аргументировано утверждать, что противоположное крайне неправдоподобно и/или маловероятно.

1.3. Научные теории (по К Попперу)

Если принять весьма убедительную концепцию К. Поппера [11], то мы не вправе употреблять категорию истинности применительно к научным (т.е. фальсифицируемым) теориям. Истина сохраняет роль регулятивного принципа; в процессе смены научных теорий происходит движение к истине; но любая научная теория, по определению, может быть фальсифицирована, и поэтому в каждый момент времени мы не можем знать, найдена ли уже истина, т.е. вещи в принципе познаваемы, но не познаваемо, познаны ли они. И-статус научных теорий, таким образом, в некотором смысле противоположен статусу «когда-нибудь-высказываний» (п. 1.1): в противоположность последним, они не могут быть верифицированы, но могут быть фальсифицированы.

2. И-значение размыто или относительно

2.1. Односторонние высказывания

Это высказывания о сложных, «многоипостасных» объектах. Такие высказывания могут быть истинными в применении к одной из «ипостасей», но не учитывают других. Модель возникновения

---

⁸Отнесение таких высказываний к тем, для которых И-значение неизвестно, — достаточно условно и предполагает существование «истины в возможных мирах». С более приземленной точки зрения их следовало бы отнести к классу высказываний с отсутствующим И-значением (см. ниже, п. 5).

таких высказываний дает известная притча о слепых и слоне (см. также §3 п. 1).

Высказывания

Человек (от природы) добр (зол);

Человек человеку волк (друг, товарищ и брат);

Тургенев был трус и себялюбец (благороден и щедр);

Русский народ обладает всемирной отзывчивостью (глуп, ленив, склонен к анархии, по природе раб, религиозен, безрелигиозен...)⁹, независимо от нашего согласия или несогласия с ними, н е п о л - н ы — но вряд ли могут быть адекватно «дополнены», чтобы стать бесспорно истинными, не став при этом тривиальными (одни люди добры, другие злы).

К сложным объектам относятся, в частности, «массовые», или «статистические» объекты: люди, такой-то народ, холодильники «Ока», москвичи, советские ракеты и т. д., — высказывания о них (кроме тривиальных или чисто технических) почти всегда сомнительны и односторонни, если только не эксплицированы статистически.

Еще один класс сложных объектов — культурно-исторические образования, такие, как христианство, Возрождение, марксизм, социализм, русская история (сюда тоже относится сказанное в предыдущей сноске):

Чаадаев оклеветал (резво оценил) русскую историю;

Старая Россия с ее традиционными ценностями умерла (жи-ва);

Погубила Россию литература (В. Розанов)¹⁰;

Марксизм делает из человека ничтожное колесо огромной экономической машины (Вл. Соловьев);

---

⁹Сложность объекта часто сочетается с нечеткостью лексического значения соответствующего слова или его предиката: что такое «человек от природы», *добр, себялюбец, по природе раб?* — поэтому приведенные примеры относятся и к классу высказываний с нечеткой пропозицией (п. 2.2).

¹⁰Только иногда я буду снабжать примеры указанием авторства — там, где оно существенно для понимания смысла высказывания.

Христианство есть радость, и только радость, и всегда радость (В. Розанов);

Христианство смотрит на жизнь как на бесконечную скорбь и неодолимый грех; под его воздействием человек потерял вкус к окружающему его миру; мир для него стал плоск, горек, скучен (В. Розанов).

Пожалуй, стоит отличать изолированные односторонние высказывания (*все мужчины подлецы*) от входящих составной частью в некоторую теорию или концепцию («модель»; ср. п. 3.1). В последнем случае они, будучи фундированными и согласованными, как бы приобретают больший истинностный вес. В таких случаях можно сказать: «Он прав (или: это истинно) со своей (такой-то) точки зрения».

Понятие односторонней истины можно расширить, если ввести в рассмотрение диахроническую и/или «культурную» координату. Поскольку любой познавательный процесс привязан к той или иной эпохе и культуре — со всей присущей этой эпохе и культуре ограниченностью, — то и добытые в результате его истины имеют ограниченный, или относительный, характер.

Упомянув о познавательном процессе в его историческом развитии, стоит отметить, что часто односторонние высказывания — это высказывания с «неразвитой напряженностью принципа» (Г. Гегель). В этом и их относительное оправдание: именно благодаря своей односторонней напряженности соответствующий принцип пробивает себе дорогу в мир человеческих идей, чтобы там постепенно включиться в состав многосторонней истины о мире (ср. всю историю европейской мысли, от «безумных» догматов христианства до не менее безумных концепций Ницше или Федорова).

Своеобразную энциклопедию односторонних истин — с указанием на их односторонность и попытками ее преодоления — представляет собой «Критика отвлеченных начал» Вл. Соловьева, как, впрочем, и другие его сочинения, включая публицистику. «Отвлеченные начала» — это такие частные идеи ..., которые, будучи отвлекаемы от целого и утверждаемы в своей исключительности, теряют свой истинный характер» [12]. Подобные суждения, по Соловьеву, основаны на методологическом приеме, заключающемся в прибавлении к пусть даже истинному предикату частиц *только, единственно* и т. д., тогда как надо добавлять *но вместе с тем, с другой стороны* и т. д. Отвлеченные начала несут в себе относи-

тельную правду, но, выдаваемая за абсолютную, она становится ложью¹¹.

С односторонними высказываниями связана проблема «истин разных порядков», «мелких» и «высоких» истин или правд. Например, по В. Розанову, Л. Толстой прав в своих обличениях православной церкви, — «но *мелкою правдою*. Есть в мировых и исторических вещах крупная правда и мелкая правда... Он не понял ... великую задачу, над которою трудились духовенство и Церковь 900 лет ... Это выработка *святого человека*, ...самого типа *святости* ... и — *благочестивой жизни*» [13, с. 360]. Т.е. различные стороны сложного объекта обладают различным «весом», разной значимостью, и неправда («мелкая правда») Толстого — в выборе второстепенных сторон и игнорировании главных¹².

2.2. Высказывания с нечеткой пропозицией

Это — наиболее широко распространенный класс среди высказываний с размытым И-значением. Именно они, совместно с односторонними, а также модальными высказываниями и образуют в основном тот океан истинностной сомнительности, в которой все мы плаваем — и в бытовом общении, и в mass media, и в гуманитарных науках, — как только выходим за рамки атомарных фактов и обращаемся к абстракциям того или иного уровня. Видимо, это и

---

¹¹В хрестоматию по «веритологии» или «алетологии» заслуживает быть включенной и статья И. Крупника «Семь объяснений» («Дружба народов», 1990, № 11), где приводятся семь, казалось бы, несовместимых «истин» об источниках национальных конфликтов в СССР. В конце статьи автор искусно синтезирует их в многостороннюю и, возможно, «окончательную» истину.

¹²В более общем плане сюда же относится восходящий к Аристотелю вопрос о «правде легенды (поэзии)» и «правде истории». Согласно П. Флоренскому, «легенда не ошибается, как ошибается история, ибо легенда — это очищенная в горниле времени от всего случайного,... возведенная в т и п сама действительность... [1, 782]. Разумеется, истинность самого этого суждения зависит от того, что понимать под «самой действительностью».

имел в виду Л. Витгенштейн, когда писал: «Не являются ли нечеткие понятия именно тем, что нам нужно?» [6, с. 110].

Нечеткость пропозиции, как правило, проистекает из нечеткости лексических значений составляющих высказывание слов — как предикатных, так и актантных. В свою очередь, эта нечеткость значений («языковая») соотносится с нечеткостью соответствующих объектов — референтов («предметная»): эти два разноуровневых явления — две стороны одной медали¹³. Кроме того, нечеткость предмета не вполне ясным образом соотносится с его сложностью (многоипостасностью). Ср. такие объекты (и слова), как *христианство*, *демократия* или *социализм*.

Приведем ряд примеров (выделяя разрядкой слова с характерно нечеткими значениями):

«Тихий Дон» нельзя назвать гениальным романом — в нем нет художественных открытий; Национальная идея не может стать объединяющим началом, если она не опирается на общедемократические ценности; Человеческая душа по природе христианка (Тертуллиан)/ язычница (В. Розанов); Человек есть мера всех вещей; Волна преступлений захлестнула страну; В СССР построен социализм.

Как уже отмечалось, типичен случай, когда многоипостасный объект сочетается с нечетким предикатом.

Все подобные высказывания, с точки зрения аналитической философии и, вообще, неопозитивизма, бессмысленны. Я так не считаю: без высказываний такого рода невозможно ни движение научной, философской или политической мысли, ни политика, ни вообще интеллектуальное общение. Но И-значение во всех этих случаях нечетко, сомнительно, размыто, неопределенно — или, с другой точки зрения, относительно.

---

¹³Ср. следующий обмен репликами по поводу трудности выразить словами впечатления, полученные в некоем фантастическом космическом путешествии: «Of course I realise it's all rather vague for you to put into words» — «On the contrary, it is words that are vague. The reason why the thing can't be expressed is that it's too *definite* for language» (C. S. Lewis, «Voyage to Venus», L., 1961, p. 28).

Я не буду даже пытаться строить типологию таких высказываний — само их множество крайне нечетко. Попробую лишь выделить, достаточно случайным и непоследовательным образом, некоторые подклассы.

1) *Высказывания с гипостазированием*, где абстрактному или собирательному объекту присваиваются (через предикат) личностные свойства. В результате возникает «квази-объект» — нечто промежуточное между нечетким и несуществующим (см. п. 5.1) объектом:

Чаадаев презрел и возненавидел самую душу России, ее национальную субстанцию (Н.И. Ульянов); Россия верит в высшие начала, человека и его совесть, — и не верит в человеческие постановления и учреждения; Демократические силы не сумели стать опорой перестройки.

2) «*Не проверяемые*» высказывания — не в смысле п. I.2, где истинное положение дел скрыто от нас в силу «природы вещей» или стечения обстоятельств, а скорее в «языковом» смысле: о нечетких и/или крайне сложных объектах и/или отношениях говорится так, как если бы они были четкими и/или простыми.

Здесь можно выделить *квазиколичественные* высказывания, где речь идет об измерении таких «величин», которые измерены быть не могут:

Чем больше прав получает Горбачев, тем слабее его влияние на ход событий; Существование легальной проституции укрепляет семью; Сумма прав в управляемой системе — величина постоянная; КПСС остается сегодня единственной политической силой общесоюзного масштаба: как измерить влияние на ход событий, крепость семьи, сумму прав? какова мера общесоюзности (относится ли это к Прибалтике, Армении и т.д.)¹⁴?

Аналогичная ситуация — с *квазиструктурными* высказываниями, где те «связи», о которых говорится, не могут быть четко установлены:

---

¹⁴ Значительная часть примеров заимствована из публикаций конца 1990 г.

Горбачеву помогает держаться у власти только страх правых, что победят левые, и страх левых, что победят правые; Спасение возможно, лишь если Горбачев добровольно сойдет с арены; Не может быть крепкой власти без нравственной связи этой власти с народом — во всех этих примерах объектом является сверхсложная структура политической ситуации, а говорится о ней как о простой, с легко наблюдаемыми связями.

Сюда же можно отнести и м е т а ф и з и ч е с к и е высказывания, в непроверяемости которых, наряду с нечеткостью лексических значений и, может быть, неисчерпаемой сложностью объектов, основную роль играет ограниченность человеческого разума: здесь истину может знать только Бог:

Человек спасается делами (или sola fide); Русский народ — народ-Богоносец; Трансцендентное бытие угнетает человека. Только без него мы обретаем свободу; Жизненная задача человека — осуществление воли Божьей на земле; Материя первична, сознание вторично — все такие высказывания, если отвлечься от тех «моделей» (концепций), составными частями которых они являются, могут быть охарактеризованы как «догадки».

3) В ы с к а з ы в а н и я с н е ч е т к и м к в а н т о р о м . Истинно ли, что *В союзных республиках формируется вполне дееспособная власть* (В. Селюнин)? Отвлекаясь от нечеткости значения слова *дееспособная*, это зависит от того, имеется ли в виду «во всех», или «в большинстве», или «в некоторых», — так что И-значение остается неопределенным.

Наиболее типичный образец таких высказываний — это пословицы и близкие к ним речения. Недаром столь распространены пословицы — антонимы (*Свой хлеб приедчив — Свой хлеб сытнее; Чего нет, того и хочется — То лучше всего, что есть у кого; Есть рубль — есть и ум — На деньги ума не купишь*). Будучи знаками ситуаций, пословицы и «прилагаются» к подходящим ситуациям, в том числе жизненно противоположным. Поэтому, по-видимому, естественнее всего считать, что подразумеваемый квантор при таких речениях — это квантор существования «бывает так, что ...» или, самое большее, «обычно бывает так, что ...». Однако внешняя форма говорит скорее о кванторе общности, что и создает И-неопределенность.

Иногда в подобных высказываниях есть явно выраженный квантор общности, который, однако, при экспликации должен быть

снят. У того же В. Селюнина читаем: *Брань никогда еще не была признаком силы*, — ясно, что при буквальном понимании это заведомо ложное высказывание; но *никогда* здесь употреблено для эмпазы, и экспликация должна давать нечто вроде «Обычно сильный не бранится» или «Обычно брань — признак слабости».

4) *К в а з и т о ч н ы е в ы с к а з ы в а н и я*. Речь идет о высказываниях типа: *Земля — шар; От Москвы до Симферополя 1200 км; Франция шестиугольна* (Дж. Остин); $\sqrt{2} = 1,4$, — т.е. речь идет о высказываниях «с допуском», «с (грубым) приближением», «с точностью до членов такого-то порядка», — но без оговорки об этом допуске или степени точности.

Формально такие высказывания можно отнести к «неполным»: говорится только 'S', тогда как истинно 'S&Q', где Q — уточнение, допуск. В отличие от высказываний, рассматриваемых ниже в п. 2.4, здесь S не вводит в заблуждение.

Близки к рассмотренным высказывания о похожести: *Италия похожа на сапог; Это облако похоже на рояль* (недоговорено, в каком отношении и насколько похоже).

Во всех подобных высказываниях И-значение размыто. Почти всегда можно возразить: «нет, не шар, (а геоид)», «нет, не 1200, а 1240», «нет, не 1,4, а 1,4142», «нет, не похожа (мало похожа)» и т. д.

5) *В ы с к а з ы в а н и я с н а в я з а н н о й о ц е н к о й*:
Для правой и левой жизни достаточно сердечной веры и добрых чувств, а все рассуждения ума тщетны; Сознательная интеллигенция Белоруссии поддерживает Горбачева — специфически пропагандистское структурно-семантическое клише: выделенным словам нечеткой семантики и оценочного характера говорящий навязывает желательный ему смысл, а именно такой, который (экстенционально или интенционально) соответствует «правой части» высказывания («сознательными», например, автор называет именно тех, кто поддерживает Горбачева). В результате возникает — в зависимости от точки зрения — либо тавтология, либо ложь.

2.3. Модальные высказывания

Сюда я отношу высказывания, содержащие, кроме пропозиции, также и пропозициональную установку.

1) Прежде всего, речь идет об установках (модальных операторах) отнесения к говорящему, лексически выражаемых через *допускаю, полагаю, думаю, считаю, (почти) уверен, по-моему, А*, а также как *будто, пожалуй, быть может, возможно, кажется, вероятно*¹⁵, *по-видимому, очевидно, несомненно, наверняка, А*. В последней группе «субъективизация» явно не выражена, но, несомненно, имеет место. Все эти операторы располагаются на некоторой «шкале уверенности».

Все подобные высказывания могут быть эксплицированы в виде конъюнкции трех утверждений:

- (а) имеет место $A \vee$ не имеет места A ,
- (б) я этого не знаю,
- (в) я (в той или иной степени) склоняюсь к тому, что A .

Поскольку дизъюнкция (а) всегда истинна, постольку истинность подобных высказываний зависит только от истинности (б) и (в).

Здесь нужно выделить следующие случаи:

- (1) я (на самом деле) знаю,
- (2) я не знаю, но склоняюсь к тому, что A ,
- (3) я не знаю, но склоняюсь к тому, что не- A ,
- (4) я не знаю и у меня нет предпочтений.

Только в случае (2) модальная конструкция употреблена адекватно, и соответствующее высказывание можно считать истинным — в тем большей степени, чем более субъективный компонент высказывания соответствует субъективной (не)уверенности в A .

В случае (1) высказывание ложно; но, поскольку A имеет место, его можно охарактеризовать как «полуправду» ($1/4$ — правду, $3/4$ — правду) — в зависимости от места использованного модального оператора на «шкале уверенности»; если же имеет место не- A , то такое высказывание можно охарактеризовать как «стыдливую ложь» — разной степени стыдливости, вплоть до «бесстыдной» (если говорится: *я уверен, что А* и т. д.).

---

¹⁵Заметим, что «научные» высказывания о вероятности событий не относятся к модальным и подлежат обычному суду на истинность / ложность (они истинны, если вероятность вычислена или оценена верно).

В случае (3) высказывание также ложно — с аналогичными градациями «стыдливости» при использовании операторов «малой уверенности».

Наконец, в случае (4) высказывания располагаются на шкале Л — И, с тем большей близостью к И, чем более явно высказана именно неуверенность.

В целом можно сказать, что высказывания этого типа — при их адекватном (случай (2)) употреблении — имеют «веритизирующий» характер: с их помощью строятся истинные высказывания о сомнительных фактах. То же можно выразить и иначе: для этих высказываний истинность равносильна искренности.

Предельный случай таких высказываний: *я знаю, что А*. По-видимому, оно должно эксплицироваться как 'А' & 'я это знаю' и, соответственно должно считаться истинным, когда истинны оба компонента, и ложным во всех остальных случаях (в частности, когда на деле 'не-А', и я это знаю, это — «наглая ложь»).

2) Пропозициональная установка может также относиться к «третьему лицу», реализуясь в операторах «смещения субъекта»: *говорят, я слышал, по сведениям, исходящим из осведомленных кругов, как сказал NN, ученые обнаружили (доказали), что* и т. д.

В экспликацию таких высказываний, помимо 'А & не-А', входит конъюнкция

(а) я не знаю, А или не-А (пресуппозиция),

(б) я знаю, что такой-то источник утверждает, что А.

Вопрос об истинности поэтому зависит от того, действительно ли «я не знаю» и действительно ли «источник утверждает». Именно:

		б	¬ б
а		И	Л
	я знаю, что А	И(стыдливая)	Л(полуправда)
¬ а	я знаю, что не-А	маленькая И, скрывающая большую Л	Л(наглая)

***

Так или иначе, во всех модальных высказываниях рассмотренных типов происходят некоторые манипуляции с истиной, добро-совестные в случае искренности говорящего («веритизация») и недобросовестные в случае неискренности: переложение ответственности на другого, страховка, т.е. стремление обезопасить себя; при этом возникают различные промежуточные категории вроде полуправды и стыдливой лжи.

2.4. Высказывания, вводящие в заблуждение

Речь идет о таких формально истинных высказываниях, в которых некая релевантная информация замалчивается (или, может быть, дается, но разбавленная нерелевантной). Как правило, эти высказывания могут быть описаны так: само высказывание S истинно, но оно имеет очевидную пресуппозицию P, которая является ложной. В результате возникает своеобразный парадокс: чтобы опровергнуть говорящего, мы должны сказать: «Нет, не S, а ...», — тогда как на самом деле $\neg S$ формально ложно.

Я не занимался греблей в Кембридже (Н. Паркинсон); здесь P = 'я учился в Кембридже', и это ложно.

После кратковременного пребывания в Чердыни-на-Каме он [О. Мандельштам] поселился в Воронеже ... Поэт умер в начале 1938 г. (А. Дымшиц).

«Пребывание» и «поселился» имеют пресуппозицией добровольность; «умер» — предполагается нечто вроде «в своей постели». Возражения: «не пребывание, а ссылка; не поселился, а был сослан; не умер, а погиб в лагере от голода» (кроме того, не в начале, а в конце 1938 г., — но эта последняя ошибка куда менее существенна, чем предшествующие «введения в заблуждение»).

Кто разбил стекло? — Коля или Петя [говорящий знает, что Коля]; пресуппозиция — незнание отвечающего (если он отвечает дизъюнкцией); возражение: «Не «Коля или Петя», а Коля».

Где ты был? — Я встретил старого друга [на деле — бывшую любовницу]; пресуппозиция — мужской пол встреченного и невинность встречи; возражение: «не старого друга, а эту старую б ...!»

Такие высказывания характерны для бытовой речи (при попытках утаить истину, соблюдая невинность) и для репутильной, эзоповой и/или идеологизированной прессы при подаче «неудобных» фактов. Техника их построения разобрана в [14]), здесь же нас они

интересуют как еще один тип высказываний с размытыми границами истины и лжи: в частности, здесь высказывания 'S' и 'Нет, не S' оба оказываются, хотя и по-разному, истинными. Что заведомо характеризует такие высказывания, так это их неискренность.

2.5. Непрямые высказывания

Сюда мы относим любые высказывания, в которых говорящий имеет в виду не то, что он говорит, а нечто иное (иногда противоположное): ирония, намек, метафора, гипербола, литота и мн. др.

Сомнительность И-статуса таких высказываний проистекает из двойственности их смысла (интенция vs. буквальный смысл). При этом если подразумеваемое — истина, то буквальный смысл может быть ложью. Таким образом, в не прямых высказываниях истина отягчена ложью, или хотя бы ее тенью. Слушающие разбиваются на два класса: понимающие не прямой характер высказывания — и не понимающие. Для одних высказывание может оказаться истинной, для других — ложью, бессмыслицей или чем-то нерелевантным.

3. И-значение условно или субъективно

В эту группу мы объединяем такие высказывания, о которых можно сказать: это истина, если принять такие-то условия или стать на такую-то точку зрения.

3.1. Модельные высказывания

Здесь — царство когерентной теории истины, т.е. истины как согласованности данного утверждения с другими, ибо речь идет об искусственно построенном (возможном) мире, где существенна в н у т р е н н я я согласованность его частей (т.е. высказываний между собой, а не с действительным миром). В н у т р и модели каждое высказывание имеет о п р е д е л е н н о е истинностное значение (ИЗ), а с о м н и т е л ь н о с т ь возникает лишь при выходе з а рамки данной модели, в действительный мир или другую модель. Поэтому ИЗ модельных высказываний может быть охарактеризовано как у с л о в н о е .

На крайних полюсах здесь находятся:

а) высказывания в рамках аксиоматической (гипотетико-дедуктивной) научной теории (*сумма углов треугольника $< 180^\circ$ — в геометрии Лобачевского*);

б) высказывания в рамках возможного мира художественного произведения (*Татьяна отказала Онегину в его домогательствах — в мире «Евгения Онегина»*).

В этих «чистых» случаях сложности с ИЗ могут возникать тогда¹⁶, когда происходит прорыв рамок модели в действительный мир, т.е. когда мы спрашиваем (как спрашивали себя Гаусс и Лобачевский), какова н а с а м о м д е л е сумма углов треугольника, или утверждаем, что Татьяна была права, отказав Онегину. Специфические И-проблемы возникают и для таких моделей, которые, будучи аксиоматическими, претендуют и на God's truth: так, есть основания полагать, что аксиоматика теории чисел «выполняется» и в «действительном мире», и потому, скажем, утверждение *множество простых чисел бесконечно* истинно «безусловно», а не только в рамках теории чисел, — в отличие от теорем неевклидовой (а также и евклидовой? — ах, Иммануил!) геометрии.

Но между случаями а и б — огромное поле «моделей» не вполне «научных», но и не вполне «выдуманных». Это научные системы не аксиоматического характера (в естественных и особенно гуманитарных науках), философские, богословские, социологические системы, еще более размытые «мировоззренческие» системы. Все они отличаются от случаев а и б заведомой претензией на соответствие действительному миру. Отвлекаясь от бесконечного многообразия возможностей, отметим лишь, что во всех этих случаях, как в а и б, можно говорить об ИЗ в рамках модели (системы, теории) — впрочем, тем менее уверенно, чем менее формализована сама модель, — а при соотнесении с действительным миром, естественно, возникают проблемы типа выраженной в следующей цитате (касающейся теорий метафоры): «... обе эти теории ... неадек-

---

¹⁶Я отвлекаюсь от внутрилогических и внутриматематических проблем неполноты, недоказуемости, как и от логико-математических парадоксов: в рамках этой работы, твердо стоящей на позициях обыденного здравого смысла, им нет места как экзотике.

ватны; тем не менее, обе пытаются выразить нечто истинное, и мы должны попытаться извлечь из них эту истину» [15, с. 315].

Есть еще один аспект модельных высказываний, связанный с объемом «круга пользователей» соответствующей модели. Крайние случаи: личная точка зрения (могущая проводиться весьма последовательно) — «со своей точки зрения он прав», — и общественное мнение, или, еще шире, «точка зрения» данной культуры (ср., например, такие истины, как *частная собственность — основа процветания всего общества* и *частная собственность — источник эксплуатации, неравенства и социальной несправедливости* в рамках системы современного американского и недавнего советского общественного мнения (менталитета, культуры).

Таким образом, при рассмотрении модельных высказываний возникают такие понятия, как «условная истина», «истина в рамках модели», «истина с данной точки зрения», «то, что в данном обществе (культуре) принимается за истину» и т. д. Понятие истины до бесконечности мультиплицируется и, кроме того, в каждом своем проявлении дwoится в зависимости от «внутреннего» или «внешнего» взгляда на объект.

3.2. Оценочные высказывания

Речь идет, прежде всего, о высказываниях, где оценка является ремой. Тут основная посылка — *de gustibus non est disputandum*: личность суверенна в своих оценках и каждый имеет право на свою истину. *Бродский — бездарный стихотворец = с моей точки зрения (по-моему), Бродский — бездарный стихотворец ≈ я не люблю Бродского*, и, если говорящий искренен, то это истина, хотя и е го истина, т.е. тут истина субъективна и равна искренности; неискренность же равносильна лжи.

Заметим, что если высказывание с оценкой в качестве ремы несет в себе и внеоценочную пропозицию, и эта пропозиция ложна, то высказывание бессмысленно (абсурдно): *хорошо, что сегодня такая ясная погода*, если на дворе дождь и буря.

Детализируем. Оценки, хотя и не слишком четко, делятся на два класса: субъективные и объективные [16]. Первые служат выражению чувств по поводу того или иного объекта или события, т.е. имеют преимущественно экспрессивную функцию; вторые соотносят объект или событие с соответствующими образцами или стан-

дартами, или с более или менее определенной «шкалой качества»: хороший (плохой) нож, шофер, сердце, память, план. Именно для первых имеет место «субъективная истина» (по А. Ивину, они не имеют ИЗ, будучи лишь словесным выражением психических состояний [16, с. 45]). Для вторых, при наличии определенных шкал или стандартов, есть обычные И-значения, действующие в культурном круге, принимающем эти стандарты. (По-моему, каждый человек может рассматриваться как «культурный круг», и потому непреходимой разницы между субъективными и объективными оценками нет.) Но, так или иначе, между субъективными и объективными оценками лежит огромная и крайне важная промежуточная область. Если по поводу оценки ножа, чьего-либо поведения или даже, может быть, адвоката между А. Швейцером и его пациентом из Ламбарене может и не возникнуть разногласий, то иначе окажется с оценкой Баха или представительной демократии. Применительно практически к любому культурному объекту (будь то Рильке, Шнитке, Асадов, Битлз, Фет, расовая теория, марксизм, диктатура и т. д. до бесконечности) возникает прежде всего вопрос о том, относится ли этот объект вообще к ценностям (неважно, положительным или отрицательным) и если относится, то какое место на ценностной шкале он занимает. Соответственно, человечество делится на огромное количество пересекающихся кругов, со своими «истинами» в каждом.

Таким образом, в области оценочных высказываний мы имеем дело либо с «субъективными», либо с «групповыми» истинами, что роднит эти высказывания с модельными (с некоторой натяжкой оценочные высказывания вообще можно считать частным случаем модельных).

Особняком стоят высказывания с п е р и ф е р и й н ы м и о ц е н к а м и , т.е. такие, где оценка является частью темы (*великий Ленин наш народ сплотил*) или относится ко всей пропозиции, но не рематически (*к сожалению, он заболел*). Здесь И-значение всего высказывания совпадает с И-значением пропозиции, а неадекватность или неискренность оценки лишь накладывает на него некоторую зыбкость, сомнительность. Во всяком случае, если пропозиция истинна, то нельзя возразить: *это не так*, а скорее: *это так, но...*

3.3. Высказывания о должном

К этому классу мы отнесем высказывания, которые могут быть перефразированы в форме *НАДО*, чтобы *A*:

пресса должна быть свободной → *надо, чтобы пресса была свободной*;

езда на красный свет запрещена → *надо, чтобы водитель не ехал на красный свет*;

люби ближнего своего → *надо любить ближнего*;

Карфаген должен быть разрушен → *надо, чтобы Карфаген был разрушен*;

России нужен рынок → *надо, чтобы в России была рыночная экономика*;

Россию нужно подморозить → *надо, чтобы Россия была подморожена* и т. д.

В представлении с *надо* удобна безличность: субъект долженствования ($\approx$ адресат обращения) определяется лишь контекстом ситуации. Такое представление — в рамках нашего обсуждения — позволяет обойти вопрос о том, что такое норма, регулятив, прескрипция и т. д.: все эти значения могут присутствовать в *надо*-высказываниях, но они как бы нейтрализованы, а на первое место выступает констатирующая функция.

Надо-высказывания связаны с оценками приблизительно следующим образом: '*надо, чтобы A*' $\approx$ '*A — Bon*' & '*не-A — Mal*' — без конкретизации того, что *Bon* — это всеобщее благо, нравственно должное, возможное поощрение и т. д., а *Mal* — всеобщее несчастье, морально недопустимое, какая-либо санкция и т. д. Отсюда и характер И-значений таких высказываний: это обычно «групповые» (редко — индивидуальные), а в иной трактовке — условные (модельные) истины.

Отметим, что такие высказывания все же не сводятся к оценкам, поскольку даже в самом обезличенном виде имеют в себе «прескриптивную» компоненту. Поэтому, даже если о вкусах спорят, то тем более — о высказываниях о должном. Возражения при этом могут иметь двойкий характер: *нет, не надо; надо другое; это неверно*, — но также и: *а почему? зачем? с какой целью?* В большей степени, чем по поводу оценок, здесь возможен спор и обос-

нование, а, может быть, даже и доказательство (в рамках некоторой модели).

В качестве же призывов, приказов и т. д. *надо*-высказывания, конечно, лишены И-значения.

4. И-значение нерелевантно

А priori И-значение оказывается нерелевантным тогда, когда высказывание не выполняет свою прямую и «нормальную» функцию: не несет информации. А это происходит в игровом и ритуальном дискурсах (а, может быть, и в других дискурсах с обесцененной информационной функцией).

4.1. Игровое использование речи

О нем можно говорить в тех случаях, когда «плетение словес», самоцельное или подчиненное той или иной внеречевой задаче, является доминантой высказывания. Именно сюда относится присловье *Ради красного словца не пожалеет родного отца*. Ср. известный (по комментариям Байрона к «Дон Жуану») обмен репликами: *I, John Sylvester, // Lay with your sister — I, Ben Jonson, lay with your wife — That is not rhyme — No, but it is true, —* где релевантна не оппозиция true/false, но true/rhyme; т.е. то, что «зарифмовано», не имеет отношения к истинности, а, следовательно, и к ложности.

Детализируя, можно выделить две ситуации.

Первая — с а м о ц е л ь н о - игровое использование речи. Сюда относится — в некотором отношении — вся поэзия (ср. Поливанов Е.Д.. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники, //Вопр. языкознания.- 1963.-№1, а также концепцию поэтической функции языка Р. Якобсона с ее «направленностью на сообщение»), но особенно такие специфические жанры, как палиндромы и другие стихотворные фокусы (фигурные стихи и пр., ср. «Опыты» В. Брюсова, стихи В. Моршена или недавние штучки А. Вознесенского), а также каламбуры, т.е. остроты, построенные исключительно на «игре слов».

Вторая — использование языка в качестве с р е д с т в а создания игровой ситуации. Эта ситуация может быть:

а) жизненной: жанр (словесного) розыгрыша (впрочем, с другой точки зрения розыгрыш может рассматриваться как специфическая — игровая — форма лжи);

б) собственно игровой: дразнилки, считалки, игровые песни;

в) ментальной: небывальщины, многие частушки, лимерики, и — в некотором отношении — *вся* область fiction (а в ней особенно — такие специфически игровые тексты, как проза Набокова или Борхеса), что не мешает ей относиться, с иной точки зрения, к «модельной» сфере — ср. п. 3.1.

Подчеркну лишний раз: «форма» и «содержание», «средства» и «цели» — не отграничены друг от друга; один и тот же каламбур и одну и ту же частушку можно отнести к обоим классам, а внутри второго — и к а), и к б), и к в).

4.2. Ритуализованная речь

Она построена на формулах, соответствие или несоответствие которых объекту речи несущественно, поскольку весь смысл сосредоточивается именно в самом соблюдении ритуала; оппозиция истина/ложь замещается оппозицией «правильно/неправильно» (ср. п. 5.2). Ритуальные тексты варьируют по степени своей жесткости (каноничности): от богослужебных или инициационных (типа присяги), через тексты свадебного и похоронного ритуалов (внецерковных), к жанрам некролога, тоста, надгробной, приветственной, поздравительной, юбилейной речей и к еще более свободным текстам, скажем, ритуала ухаживания. Вообще, ритуализованная речь тяготеет к «праздничному» (в широком смысле) дискурсу, разновидностями которого можно считать и «церковный», и «юбилейный», и «некрологический», и «инициационный». Но достаточно много остается и на сферу быта (например, ответ на «как поживаете?» и др. стандарты бытовой речи), в том числе «делового» (например, жанр характеристики с формулами типа «морально устойчив» — но это уже выводит нас в другую сферу).

4.3. Тоталитарный дискурс (ТД)

В тоталитарном обществе ритуализованная речевая сфера, имеющая в «нормальном» обществе достаточно узкие пределы

употребления, разбухает, перерождается и, подобно раковым клеткам, поглощает исконно чуждые ритуалу области. Ритуализованным оказывается весь mass-media-дискурс, все тексты речей, докладов и выступлений — будь то на митинге, одобряющем братскую помощь Чехословакии, или на производственном совещании, — все, вплоть до стихов, романов и даже бытовых разговоров. В пределе весь человеческий дискурс переходит в ритуальную сферу; оппозиция И/Л теряет смысл, заменяясь на «правильно/неправильно», причем последнее уголовно наказуемо.

Центральное место в ТД занимает «лозунговый субдискурс», задающий — в спущенных сверху лозунгах-констатациях (*КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи; Дело Ленина живет и побеждает; Советско-румынская дружба нерушима*) — узловые точки ТД в целом.

Большая часть ТД носит чисто ритуальный, если угодно, орнаментальный характер; но есть в нем и «деловая» часть, наиболее характерный жанр которой — донос (тайный или публичный); однако «деловая» компонента есть и в любой речи, докладе, газетной статье: то, что идет «сверху» — это установка, как и что следует говорить (и думать); идущее же «снизу» — свидетельство о лояльности, преданности, «глубоком удовлетворении», энтузиазме.

«Неделовая» часть ТД является по преимуществу имитацией «праздничного» дискурса. Это и понятно: для тоталитарного общества характерна гиперсемиотизация всех сфер жизни — от производственной до сексуальной, причем, для уравнивания и камуфляжа реальной серости и убожества — именно в сторону праздничности: от переименования Владимирки в шоссе Энтузиастов до «*И никто на свете не умеет //Лучше нас смеяться и любить*».

Чем определяется нерелевантность И-значения в ТД?

«Тоталитаризм... не допускает никакой деятельности, которая не была бы полностью предсказуема» (Ханна Арендт). Это относится прежде всего к речевой деятельности. Но если речь заранее предсказуема, то она должна иметь ритуализованный характер, должна быть построена на основе формул-клише и, главное, может быть только «правильной» или «неправильной» (т.е. выходящей за рамки дискурса, непредсказуемой), но не истинной или ложной (истина, по крайней мере содержательная, не может быть полностью предсказуемой).

Х. Арендт пишет далее про «ужасный, деморализующий восторг, возникавший от одного предположения, будто гигантская ложь и чудовищный обман смогут ... утвердиться как безусловные факты, что человек будет в силах менять свое прошлое как захочет и что разница между правдой и ложью уже не будет объективной, а станет ... делом власти и хитроумия, давления и бесконечных повторов». В описанной ситуации вовсе не обязательно, чтобы любое высказывание текста было ложным; но ложные высказывания в таких текстах ничем не хуже истинных, они равноправны с ними. «*Широка страна моя родная*» формально истинно, а «*Старикам везде у нас почет*» формально ложно, но в тексте знаменитой песни эти высказывания совершенно равноправны. В отличие от других типов дискурса, в ТД нет смысла говорить об И-значении отдельных высказываний¹⁷, но только о дискурсе в целом или, по крайней мере, об отдельных субдискурсах, жанрах или текстах в целом: если они попадают в сферу ТД, то тем самым автоматически происходит «нейтрализация» И-значения.

Специфический характер Т-дискурсу придает то, что в его основу кладется не просто ложь, которая «утверждается как безусловный факт» и становится неотличимой от истины и равноправной с ней, — но чудовищная ложь, т.е. сознательная, намеренная и притом такая, что автор ее не боится быть уличенным во лжи и не беспокоится о том, как эта ложь будет воспринята. Когда ложь становится чудовищной, она практически перестает быть собственно ложью (которая всегда, даже будучи наглой, хоть немного боязлива, если не стыдлива) и становится фактором нейтрализации И-значения, окрашивая в этот тон весь контекст.

***

К тоталитарному дискурсу можно подходить с разных точек зрения. Заведомо неадекватным является подход «извне», подход человека, для которого deliberate lie в общественной сфере является чем-то трудно представимым. При таком («советологическом»)

---

¹⁷И в бытовом разговоре, и в научной статье одни высказывания могут быть истиной, а другие — ложью

подходе в текстах ТД тщательно — там, где это возможно — проверяется И-значение, считающееся релевантным, плевелы отделяют от пшеницы.

Более адекватны точки зрения «изнутри». Их, как минимум, две:

1) конформистская (официальная), согласно которой любое высказывание, надлежащим образом *оформленное* (например, напечатанное в газете или произнесенное по радио), является истинным; но, поскольку истинность ставится в зависимость от внешних формальных свойств высказывания, тем самым (с некоей обобщающей точки зрения) И-значение теряет прямой смысл, становясь нерелевантным;

2) нонконформистская, с порога отвергающая различие истины и лжи в ТД, или, иначе, считающая, что в рамках ТД даже истина заражается от окружающей ее лжи, становясь ничем не лучше последней. Легче всего увидеть нерелевантность И-значения в жанре доноса (в том числе на себя, т.е. самоговора): конечно, бывают и ложные, и «истинные» доносы, но различие между ними несущественно — как с нонконформистской (всякий донос — мерзость), так и с официальной (всякий донос, по определению, истинен или, по крайней мере, полезен) точки зрения. Замечу, кстати, что ложь и истина в доносе не различаются и с нравственной точки зрения.

***

Возможны и методологически другие подходы к тоталитарному дискурсу. Так, в значительной своей части ТД имеет дело с объектами, которые можно считать несуществующими (см. ниже, п. 5.1). С этой точки зрения ИЗ в соответствующей части ТД не нерелевантно, а просто отсутствует. Можно рассматривать Т-дискурс и как частный случай «модельного» (см.

п. 3.1.)¹⁸, но вряд ли стоит пренебрегать тем обстоятельством, что И-значение в той или иной модели хотя и «условно», но все же ис-

---

¹⁸Попутно отметим некоторое сходство между текстами в ТД и в (неинтерпретированных) формальных системах: вспомним хотя бы понятие «правильно построенной формулы».

тина и ложь различаются, а , главное, что факт истинности в модели имеет ценность (хотя бы при взгляде «изнутри»), а в ТД — нет.

5. И-значение отсутствует

5.1. Высказывания о несуществующем объекте

Они встречаются чаще, чем кажется, и отнюдь не только в книгах по логике с их Пегасами и нынешними королями Франции (оговорюсь, что речь идет об объектах, не существующих именно в реальном мире, а не в возможных мирах (моделях)); наиболее плодородная почва для их произрастания — идеологический (и, прежде всего, тоталитарный) дискурс: *морально-политическое единство советского народа крепнет с каждым днем; братская помощь народу Афганистана ...; советско-германская дружба...* и т. д. Можно было бы ограничиться логически безупречной констатацией, что такие высказывания бессмысленны и, соответственно, не имеют И-значения (нельзя осмысленно возразить: *неверно, что МПЕ крепнет, оно ослабляется*). Стоит, однако, заметить, что, поскольку такие высказывания содержат пресуппозицию существования, то они оказываются также и ложными, т.е. могут быть охарактеризованы как ложно-бессмысленные. Но более существенно то, что обычно такие высказывания выступают не изолированно, а появляются в составе в целом ложных дискурсов, в которых чередуются ложные высказывания, утверждающие существование несуществующего (*советскому народу присуще МПЕ*) и дальнейшие бессмысленные высказывания об этом несуществующем (ср. п. 4.3).

5.2. Перформативы

По Дж. Серлю [5, с. 182], в отличие от констативов, направленных на то, чтобы слова соответствовали миру, перформативы направлены на то, чтобы мир соответствовал словам, т.е. перформативное высказывание само по себе изменяет (или должно изменить) мир. Если оно этого достигает, то оно в некотором смысле

«истинно»; но, по общему мнению, принятому в теории речевых актов, такое употребление слова «истина» представляло бы насилие над общепринятым смыслом этого слова, и поэтому предпочитается слово «успешность». Успешность, стало быть, предполагает, что в результате произнесения перформатива мир, действительно, изменился в соответствующем направлении. А для этого нужно, чтобы говорящий (*a*) действительно имел в виду то, что он произносит (искренность), (*b*) имел полномочия для произведения соответствующих изменений в мире и, может быть, (*e*) выполнил при этом определенные формальные требования, без которых соответствующий акт не может считаться совершенным. Выполнение п. (*a*) является необходимым условием успешности для всех видов перформативов, а для комиссивов и экспрессивов, предполагающих изменение мира, связанное только с говорящим, также и достаточным — быть может, также при минимальном соблюдении (*e*). Для директив и деклараций, связанных с изменением мира, касающимся не только говорящего, необходимо и выполнение (*b*).

Классическое понятие истины неприменимо к перформативам по двум причинам формального характера. Во-первых, требования (*b*) и (*e*) — в отличие от (*a*) — нерелевантны (и даже бессмысленны) при истинностной оценке высказываний: каждый имеет «право на истину», и высказывание истины не предполагает выполнения никаких формальных требований. Во-вторых (и это главное), любой «успешный» перформатив создает ту ситуацию, которую он предполагает, и тем самым как бы истинен по определению, что делает по отношению к нему понятие истинности нерелевантным. (Если бы мир был устроен так, что любое, скажем, синтаксически правильное высказывание о нем было бы истинным, то противопоставление истины и лжи не имело бы в нем смысла, — но именно подобным образом обстоит дело в мире действия перформативов.)

Что же касается связи между успешностью и истинностью, то, как заметил Дж. Остин, успешность перформатива влечет за собой истинность соответствующего констатива: если *Прошу прощения* успешно, то *NN просит прощения* истинно [5, с. 57].

6. Прочее

В п.п. 1-5 мы далеко не исчерпали типы высказываний с сомнительным в том или ином смысле И-значением. Лишь в качестве иллюстрации приведем еще несколько типов.

6.1. Определения

Следует различать определения внутри научной теории и определения ad hoc.

Внутри научной теории надо различать «первое употребление», впервые вводящее новое понятие или термин, и «воспроизведение». Первое употребление должно быть конкретным и содержательным, воспроизведение должно быть правильным. Все эти понятия заменяют понятие истинности применительно к научным определениям.

С определениями ad hoc (*Социалистическое государство — это такое государство, которое берет на себя социальную защиту граждан; Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны*) дело обстоит сложнее, поскольку они должны рассматриваться не в рамках строго очерченной модели, а внутри какого-то недостаточно строго определенного культурного пространства, — и здесь можно говорить об определениях более или менее удачных, или, в лучшем случае и с оговорками, более или менее правильных.

6.2. Риторические вопросы

Эти вопросы, в отличие от реальных, можно считать имеющими И-значение: при их экспликации вопросительность снимается и остается пропозиция: *Что это — глупость или измена?* (П.Н. Миллюков) → *Это либо глупость, либо измена.* Все же вопросительная пропозициональная установка набрасывает на И-значение таких высказываний некоторый флер сомнительности, а главное — нет средств для четкого отделения риторических вопросов от реальных.

6.3. Высказывания с (заведомым) преувеличением

Эти высказывания очень распространены как в бытовой речи, так и в публицистике. *Я пять дней работал над этой статьей, не*

отрываясь ни на минуту; Вся Москва вышла на этот митинг — при буквальном понимании такие высказывания, конечно, ложны, хотя «по существу» могут быть и истинными. Как и в предыдущем пункте, нужна экспликация, связанная со снятием риторического преувеличения. Так или иначе, И-значение таких высказываний остается сомнительным.

§2. ИСТОЧНИКИ ИСТИННОСТНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ

В §1 феномен И-неопределенности был рассмотрен на конкретном материале разных типов высказываний, причем в основу было положено то, какой именно род (неполноценной) истины — неизвестная нам, нечеткая, условная и т.д. — возникает в соответствующих высказываниях. В этом кратком разделе я попытаюсь подойти к той же проблематике с другого конца: какими факторами обусловлено такое многообразие и обилие неполноценных и взаимопротиворечивых истин.

А priori, такими факторами могут служить:

- (а) устройство действительного мира;
- (б) устройство человека (б1) как трансцендентального субъекта, (б2) как социального существа, (б3) как конкретной личности;
- (в) устройство языка.

По-видимому, эти факторы действуют, как правило, во взаимодействии друг с другом.

1. Наиболее очевидный вклад в И-неопределенность вносит сочетание факторов (а) и (б1). Как формулирует, вслед за «Книгой Иова», П. Флоренский, «вселенная построена по плану, который бесконечно превосходит человеческий разум» [1, с. 157].

В частности, в р е м е н н ы е с т р у к т у р ы м и р а с о д н о н а п р а в л е н н ы м в р е м е н е м и н е в о з м о ж н о с т ь ю п р ы ж к о в н и в п е р е д , н и н а з а д с т а в и т ж е с т к и е п р е г р а д ы И-определенности. Человек может перенестись в прошлое или будущее лишь метафорически, «душой» или «воображением», но, как правило, не разумом и, главное, не во плоти. Отсюда неизвестность И-значения для фактов будущего и недокументированного прошлого.

Другая преграда — к о л и ч е с т в е н н о е м н о г о о б р а з и е м и р а (хотя бы только физического). Не будучи в состоянии «увидеть» прошлое или будущее, мы могли бы надеяться

хотя бы «рассчитать» его. Кое-что в этом направлении удается: предсказание солнечных и лунных затмений, например, или великих противостояний Марса. Но таких удач ничтожно мало, и это — сверхпростые задачи. А ведь даже при самых смелых детерминистских предположениях исчерпывающее решение «простой» задачи трех тел оказывается недостижимым, — между тем, мир ставит задачу не трех, а неограниченно большого числа тел. Вдобавок и детерминистские предположения оказываются неприложимыми не только в микромире (соотношение неопределенности), но и в макромире (неустойчивость даже физических процессов при малых изменениях начальных условий и т.д.). И никакие суперкомпьютеры n-ного поколения не помогут, ибо заложить в них мы можем лишь то, что уже знаем.

Но на количественное многообразие мира наслаивается еще более обескураживающее качественное многообразие, позволяющее при любой «точке зрения» (установке разума) получить в лучшем случае лишь часть истины (ср. принцип дополнительности Бора), причем другая установка может принести противоречащие выводы (Флоренский даже считал внутреннюю противоречивость или антиномичность конститутивным свойством истины). Уже упоминавшаяся притча о слоне и слепых как нельзя лучше описывает познавательную ситуацию человека в мире. «На предмет надо иметь именно 1000 точек зрения. ... действительность только через 1000 и улавливается», — писал большой специалист по созданию противоречащих друг другу истин В. Розанов.

2. Подключение факторов (б2) и (б3), т.е. учет, наряду с общими свойствами человеческого разума, еще и социальных и индивидуальных факторов, — и одновременное расширение мира за счет включения в него Социума, Культуры и Истории — делает ситуацию с И-определенностью и вовсе безнадежной, что вряд ли нуждается в обоснованиях: достаточно открыть любую газету или журнал эпохи плюрализма, чтобы увидеть бесконечное многообразие взаимопротиворечивых «истин» и «своих правд», обусловленных различием групповых и индивидуальных точек зрения. Отметим попутно, что сугубо «индивидуальные» истины, исходящие от неординарных людей, могут отличаться особенной яркостью и неповторимостью, а тем самым оказываться особенно привлекательны-

ми или, чаще, особенно неприемлемыми для других (ср., например, восприятие «истин» П. Чаадаева, К. Леонтьева или В. Розанова).

Фактор (б3) ставит еще одну проблему: рядом с вопросом об истинности возникает вопрос об и с к р е н н о с т и , о соотношении между утверждениями и убеждениями. Это еще более осложняет ситуацию с И-определенностью, добавляя на множестве высказываний дополнительное измерение (причем люди, по большей части, склонны выше ценить соответствие утверждений убеждениям, нежели фактам)¹⁹.

Упомяну и еще об одном, хотя и не таком универсальном, дополнительном измерении высказываний, как (н е) з а и н т е р е с о в а н н о с т ь (в кантовском смысле): мы склонны выше ценить высказывания, в которых не просматривается заинтересованность автора в своем предмете. В противном случае даже вполне «похожее на правду» подвергается естественным сомнениям. При этом не обязательно подозревать автора в сознательной лжи: человеку, как известно, свойственно wishful thinking²⁰.

Отметим также такую категорию, как д о б р о с о в е с т н о с т ь (ср. «добросовестное заблуждение»), промежуточную между искренностью и незаинтересованностью. И, наконец, существенную роль играет такое «суперсегментное» качество высказы-

---

¹⁹Существуют люди, в отношении которых не только не действует презумпция искренности, но даже скорее действует презумпция неискренности. В этом случае даже истинное высказывание в т а к и х устах будет звучать ложью; ср.: «В таких всегда громких словах всегда прогрессивного ренегата иногда много правды, но только не как в е г о словах. Как е г о слова, все его слова всегда ложь и обман, потому что за ними не убеждения, а приспособление» (Ф. Степун).

²⁰Когда З. Гамсахурдия говорит: «В Грузии нет оппозиции, кроме криминальной» или «Конфликт в Южной Осетии развязан имперскими силами», или когда Ю. Голик заявляет: «Компромиссы — единственный путь приостановления деструктивных действий», — мы не можем не принимать во внимание заинтересованность говорящих в том, чтобы дело обстояло (или выглядело) именно так. Ср., с другой стороны: «... просто не было никакой выгоды в том, чтобы исказить правду, поэтому и говорили все как есть, иначе не удержались бы и обязательно приврали в ту или другую сторону» (М. Кураев).

ваний (точнее, их источника), как последовательность, которая, как минимум, означает отнесенность высказываний к одной «модели».

Искренность, незаинтересованность и последовательность как бы повышают качество истины, а в определенных условиях способны даже заменять ее, конституируя то, что называют «своей правдой», — которую мы зачастую склонны «уважать», хотя бы и не разделяя.

Упомяну еще одно обстоятельство, связанное с (б3): возможность ситуации «ум с сердцем не в ладу», могущей порождать взаимопротиворечащие истины, сосуществующие в одном сознании²¹.

3. Наконец, свой вклад в расшатывание И-определенности вносит коренное «несовершенство» самого языка: (1) то обстоятельство, что он дискретным и достаточно произвольным образом сегментирует непрерывную действительность; (2) то, что он создает своего рода фантомы в виде абстрактных понятий и квази-идеальных объектов, не имеющих четко очерченных денотативных или сигнификативных границ; (3) язык просто беден для выражения внутренних состояний человека, в результате чего «мысль изреченная есть ложь». Таким образом, во всех трех попперовских мирах: в мире конкретной внешней реальности (1), в мире «идей» (2) и в мире человеческой субъективности (3) — он оказывается или может оказаться неадекватным, т.е. неспособным к четкому и определенному «согласованию» с той или иной действительностью, а стало быть и к полной И-определенности.

Правда, в языке же заключен механизм, позволяющий к грубому, нечеткому и т.д. «первому приближению» присоединять уточняющие «члены высшего порядка» — механизм экспликации. И часто путем экспликации первоначально И-неопределенных высказываний удается добиться какой-то степени И-определенности, переведа «спор о словах» в спор о вещах.

---

²¹ «.. В.С. Непомнящий резко оспорил фразу Б. Васильева о смерти старой России. Душа моя с трепетом отозвалась на доводы пушкиноведа, но ум принимал холодную формулу прозаика» (А. Архангельский). Ср. слова Пестеля в передаче Пушкина: «Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse».

Другой аспект воздействия языкового фактора на И-определенность — это сознательное использование языковых средств для создания И-неопределенности. Сюда относятся, с одной стороны, модальные операторы, которые, в случае их добросовестного употребления, способствуют адекватности высказывания; с другой стороны, это различные способы создания «уклоняющихся» высказываний (иронических, аллюзионных, метафорических), а также средства «индефинитизации», используемые для сознательного введения в заблуждение²².

§3. РАЗНОЕ

1. Модель дискурса с невыполненным законом противоречия

Предлагаемая примитивная модель, как представляется, достаточно хорошо описывает по крайней мере некоторые из рассмотренных в §1 ситуаций И-неопределенности и объясняет возможность существования высказываний с неопределенным или противоречивым И-значением.

Рассматривается мир, состоящий из объектов $\{a\}$, на которые навешиваются предикаты из множества $\{P\}$. У каждого объекта a (предиката P) есть имя "a" ("P"). Факты или ситуации описываются высказываниями вида «aP».

Пусть далее, каждый объект a (предикат P) может иметь некоторое множество «ипостасей»: $a = \{a_1, a_2, \dots\}$ ($P = \{P_1, P_2, \dots\}$). Ипостаси могут интерпретироваться как различные «стороны» объекта (предиката), как разные «субъективные восприятия», как референты (сигнификаты) различных значений имени объекта (предиката) и т.д. Ипостаси не имеют имен! Тогда в мире может иметь место, например, a_1P_2 и a_2P_1 , но не иметь места, например, a_1P_1 и a_2P_2 .

---

²²Автор отдает себе отчет в том, что предмет этого раздела необъятен, охватывая, по существу, всю гносеологию, частично — онтологию, философию языка, культурную антропологию, социальную психологию, социолингвистику, теорию речевых актов, а также семантику и прагматику как части семиотики, и что, соответственно, предложенные несколько страниц — лишь жалкие и случайные маргиналии к неисчерпаемой теме Истины в мире, социуме и языке.

Между тем, все четыре «факта» описываются одним высказыванием «aP», которое тем самым оказывается одновременно истинным и ложным или, что то же, «aP» и «не aP» — оба истинными (или оба ложными)²³.

2. Истинное vs. интересное

«То, что предложение интересно, более важно, нежели то, что оно истинно», — писал А. Уайтхед [17, с. 646]. Примерно то же имеется в виду в речении *se non u vero, u ben trovato*. В еще более заостренном виде: «Тьмы низких истин нам дороже // Нам возвышающий обман», где (в контексте стихотворения) мифологическое прямо ставится над фактическим. Действительно, в большинстве своем бесспорно истинные высказывания оказываются «малоинтересными» с «человеческой» точки зрения, а то и просто тривиальными (снова вспомним учителя Беликова). Сам по себе несомненный факт развода Вани с Машей или государственного переворота в Таиланде, вообще четкий факт — обычно малоинтересен по сравнению с далеко не столь несомненными и, как правило, И-неопределенными суждениями или предположениями о его причинах, отношениях к нему его участников, о его возможных последствиях и т.д. Недаром неистовый ревнитель И-определенности — Л. Витгенштейн — счел необходимым оправдываться: «В чем же важность нашего исследования, если оно ... лишь разрушает все интересное, т.е. все крупное и важное? ... Но мы разрушаем только воздушные замки...» [6, с. 125]. Ему противостоит Фейерабенд с его методологическим анархизмом: *everything goes!* — все годится: самое сомнительное, туманное, парадоксальное, может быть даже заведомо ложное, — если приводит к сколько-нибудь ценным (интересным) результатам. Более умеренно выражает свое отношение к истине И.Д. Левин: «Для того чтобы абсолютная интуитивная Истина не оставалась бесплодной, она должна сочетаться с Риском»

---

²³С точки зрения этой модели учение П. Флоренского об антиномичности истины получает простое до примитивности обоснование. «Тезис и антитезис в м е - с т е образуют выражение истины» [1, с. 147] означает просто одновременную истинность «aP» и «не aP».

[18, с. 59]. Даже если бы язык служил только научным целям, ограничение несомненно истинными высказываниями (хотя бы и в смысле когерентной теории истины) вело бы в тупик, — это вряд ли требует доказательств хотя бы после работ К. Поппера. Но язык служит и другим, не менее важным целям — от религии и культуры до бытовой коммуникации, и здесь И-неопределенность абсолютно неизбежна.

И все же остается вопрос: почему же именно высказывания с нечетким И-значением оказываются важными и интересными? Тема эта слишком обширна, и я могу высказать лишь несколько догадок достаточно метафизического свойства и привести ряд ссылок на авторитеты.

«Интересны» те высказывания, которые так или иначе (может быть и очень косвенно) затрагивают экзистенциальные глубины человеческой личности (конкретной, «групповой» или «трансцендентальной» — здесь это безразлично) и, следовательно, так или иначе связаны с проблемой «смысла жизни» и будущего (*как жить?* или *как я буду жить?*)²⁴. Но эти проблемы принципиально не могут иметь однозначного И-определенного ответа: если бы такой ответ существовал, то сама жизнь, будучи предопределена (хотя бы ценностно), потеряла бы смысл. Иными словами, речь идет об онтологической свободе: «... если бы [мир] был «необходим», он был бы безусловно замкнут, был бы насквозь предопределен, был бы миром смерти», — писал Г. Флоровский [19, с. 94]. И-неопределенность обеспечивает «разомкнутость» мира и тем самым человеческую свободу, тогда как полная И-определенность не оставляет ей места.

Но при этом я не солидаризуюсь с Л. Шестовым, переходящим все границы в своем бунте против И-определенности, отвергающим даже истины факта и чувствующим себя оскорбленным в сознании своей свободы наличием логических истин с их «принудительностью». Здесь скорее прав «самый поздний» Витгенштейн с его «теорией дверных петель» [10]: ведь и свобода тоже должна ба-

---

²⁴Ср. у К. Поппера, даже и применительно к научной истине: «Только истины нам не достаточно, ибо мы прежде всего ищем о т в е т ы н а н а ш и п р о - б л е м ы » [11, с. 228]

зираться на чем-то твердом и несомненном, иначе все распадается в хаос, который тоже, между прочим, «неинтересен» именно в силу своей абсолютной непредсказуемости, в которой человеческому сознанию вообще не за что зацепиться, и само его — сознания — существование теряет смысл.

Конкретизацию этой проблематики в плане противопоставления точной науки (способной достигнуть И-определенности) и метафизики (принципиально неспособной к этому) можно найти у И. Д. Левина:

«Метафизическая тайна и научная проблема соприкасаются друг с другом. Время, пространство, сознание, жизнь, логико-математический порядок — все это изучается наукой... Но наука изучает эти вопросы так, как заключенный изучает свою камеру..., и притом как заключенный, для которого не существует ничего вне его камеры и который не нуждается в свободе и не знает, или не хочет знать, или забыл, что он заключенный, — в то время как метафизика пытается занять положение свободного человека или с помощью мысленного эксперимента перенестись в положение свободного человека. Это узник, который осознал, что он заключенный, для которого поэтому его камера является частью чего-то объемлющего. ... Нам скажут: первый заключенный сумел добиться точного знания обо всем, происходящем в пределах его камеры. Он измерил ее вдоль и поперек, он познал законы падения тел в ней и многое другое, что он может использовать для облегчения своего существования в тюрьме, в то время как второй заключенный строит лишь домыслы о мире свободы... На это я могу ответить...: одно лишь предположение второго заключенного, что он находится в тюрьме, перевешивает по своему значению все результаты, достигнутые первым заключенным, ибо в этом предположении таится проблеск внутренней свободы» [18, с. 62, 64].

3. Истина и ценность

Утверждения разнятся по важности или ценности утверждаемого (*в этой коробке пять стичек; Бог существует*), и эта ценность, вообще говоря, независима от И-определенности (или степени — вероятности — истинности) утверждения (впрочем, самое важное — см. п. 2 — вряд ли может быть И-определенным). В связи с этим естественно возникает понятие «ценности высказывания» (не «высказанного»!) как некоторой монотонно возрастающей функции ф

(p, α) , где p — вероятность (или какая-либо другая мера) истинности, а α — мера ценности высказанного (в простейшем случае $\phi(p, \alpha) = p \cdot \alpha$). Идея эта идет от знаменитого пари Паскаля, была подробно развита П. Флоренским²⁵, нашла свое научное оправдание в теоретико-вероятностном понятии математического ожидания и математико-экономическое оформление в так называемой теории полезности (внутри той же теории вероятностей). В рамках данной работы достаточно констатировать, что величина $\phi(p, \alpha)$ — независимо от нашего умения ее вычислять — может служить с у б с т и т у - т о м « истинности»; что в этой ценностной проблематике, быть может, коренятся основы самого понятия в е р ы ; что здесь же лежат корни того, что называется wishful thinking. Приведу выразительные слова П. Флоренского по поводу предполагаемого письма Игнатия Богоносца к Деве Марии: «Говорят, что, «быть может», эта переписка — апокрифична. Я не спорю, ничего не знаю... Но ведь только — «м о ж е т б ы т ь ». А, может быть, — и обратное. Ведь остается «а е с л и », и ценность этого «а е с л и » бесконечно умножает вес « м о ж е т б ы т ь ». Прошу, вникни сколько-нибудь в то чувство, которое делает для меня это Письмо, если даже оно и впрямь малодостоверно, бесконечно дорогим...» [1, с. 362].

4. Есть ли для понятия «истина» родовое понятие?

В наиболее авторитетной традиции, идущей от Платона, «истина» — не имеет рода, вместе с «благом» и «красотой».

Для прагматизма и родственных ему течений «истинное» — частный случай «полезного» или «успешного» (впрочем, для близкого этой традиции Дж. Остина «истинность» — одно из измерений высказывания, наряду с «успешностью»).

---

²⁵Вводя две величины, связанные с каким-либо культурно- историческим памятником, а именно, ценность α и подлинность p , Флоренский считает, что эти две величины даны нам только вместе, в виде «математического (или нравственного) ожидания» $p \cdot \alpha$, высказывая мысль, предвосхищающую соотношение неопределенностей: « ... попытка ... узнать значение отдельно p и отдельно α есть наивная мечта о невозможном, да и не нужном» [1, с. 548].

В. Розанов считал (по крайней мере, в августе 1891 года), что «истина» — частный случай «хорошего»: «Что хорошо, то и истинно; и логически верная мысль потому и истинна, что она хорошо прилась для ума, что она лучше всех ей подобных, о том же и почти так же мыслимых, но чуть-чуть неправильно, ошибочно. Иначе какой же смысл х о р о ш е г о ? ... Хорошее потому и хорошо, что оно действительно, ens realissimus — optimus ens» [20, с. 486].

Я думаю, что «истинность», как считал и Остин, это одно из многих измерений в пространстве высказываний, наряду с успешностью (прагматической релевантностью), искренностью, интересностью, важностью (ценностью), смысловой релевантностью... Выделено ли это измерение среди других, можно ли считать его особенно важным? Возможно, для некоторого класса высказываний (именно, констативов) и притом в некоторых ситуациях (скажем, в ситуации «поисков истины» — будь то в научном исследовании или в суде). Ничего сверх этого я утверждать не могу.

Список литературы

1. Ф л о р е н с к и й П.А. Столп и утверждение истины. — М.: Правда, 1990. — 490 с.
2. Зарубежные исследования по теории познания. Реферативный сборник.— М.: ИНИОН, 1978.— 206 с.
3. Р и к к е р т Г. Науки о природе и науке о культуре.— СПб.: Образование, 1911.— 196 с.
4. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. ХУШ.— М.: Прогресс, 1986.— 390 с.
5. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. ХУШ.— М.: Прогресс, 1986.— 422 с.
6. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. ХУІ.— М.: Прогресс, 1985.— 500 с.
7. З и н о в ь е в А.А. Философские проблемы многозначной логики.— М.: АН СССР, 1960.— 139 с.
8. С а н н и к о в В. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // Вопр. языкознания. — 1990. — № 5.
9. В и т г е н ш т е й н Л. Логико-философский трактат.—М.: Иностр. лит-ра, 1958. — 132 с.
10. В и т г е н ш т е й н Л. О достоверности// Вопр. философии. — 1984. — № 8.
11. П о п п е р К. Логика научного исследования.—М.: ИНИОН, 1979.— 266 с.
12. С о л о в ь е в В.С. Соч. в 2 т. Т.1.— М.: Мысль, 1988.— 894 с.
13. Р о з а н о в В.В. Религия и культура. Т.1.— М.: Правда, 1990.— 636 с.

14. Л е в и н Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4.— М.: ВИНТИ, 1974.— С. 108-117
15. Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990.— 512 с.
16. И в и н А.А. Основания логики оценок. — М., 1970.
17. У а й т х е д А.Н. Избранные работы по философии. — М.: Прогресс, 1990.— 718 с.
18. Л е в и н И.Д. Сочинения. Т. 1. — М.: Радуга, 1994. —404 с.
19. Ф л о р о в с к и й Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопр. философии.— 1990.— № 10.— С. 80–98
20. Р о з а н о в В.В. Сочинения. — М.: Сов. Россия,1990.— 590 с.